

Цикл Михаила Михеева

НЕ БУДИТЕ СПЯЩИХ

Не будите спящего барона

Наследница

МИХАИЛ МИХЕЕВ

НАСЛЕДНИЦА

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М69

Серия «Боевая фантастика»

Оформление обложки *Николай Плуток*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

М69 Михеев, Михаил Александрович

Не будите спящих: Наследница: роман / Михаил Михеев. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2017. — 352 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-100724-9

Вы — отшельник, живущий в глуши и проводящий свои дни в мыслях о высоком? Замечательно! Живите и радуйтесь, и никогда, слышите вы, никогда не просыпайтесь, если к вам стучатся в дверь. Что, вы уже проснулись? Так, быстро повернулись на другой бок и спим дальше. И не встаем. Как, вы уже встали? Тогда ни в коем случае не открываем... Уже открыли? Закройте обратно и не впускайте гостью. Впустили? Ну, тогда хотя бы не заступайтесь за нее! Заступились... Все, пора вспоминать, кем вы были до того, как пришли в эти места, снимать со стены меч и шагать по раскисшей дороге, потому что мы в ответе за тех, кого приручаем.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-100724-9

© Михаил Михеев, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава первая,
в которой мирная жизнь отшельника рушится
самым неожиданным образом

Здесь лапы у елей дрожат на весу,
Здесь птицы щебечут тревожно.
Живешь в заколдованном диком лесу,
Откуда уйти невозможно.

В. Высоцкий

Стук в дверь — не самый приятный звук. Особенно, когда за окном ночь и ты крепко-крепко спишь. Особенно, когда в ответ на твое сонное «пошли вон» стук повторяется с удвоенным энтузиазмом. Словно бы тому, кто барабанит в толстую, способную удерживать тролля (ну, хотя бы на пару минут) дверь нечем больше заняться. И вот стоит, барабанит, под дождем изо всех сил мокнет. Шел бы отсюда, искал, где укрыться можно... Елочку бы какую нашел, что ли, или шалаш соорудил, а не поднимал из мягкой, теплой постели старого отшельника, которого, вдобавок, мучает жесточайшее похмелье.

Торн с невероятным, воистину нечеловеческим усилием заставил себя принять вертикальное положение. В голове вначале перекатился свинцовый шар, а потом изнутри по черепу застучали молоточками тысячи гномов. Не тех, которые добывают зо-

лото в шахтах, а очень маленьких, хотя и не менее упорных. Тыфу, мерзость...

Во рту было сухо, как в пустыне в период засухи. Пошарив рукой по столу, Торн почти сразу нащупал искомое — огромный глиняный кувшин с огуречным рассолом. Лучшее средство от всех бед, связанных с похмельем, никакое заклинание рядом не стояло. Возблагодарив богов и собственную предусмотрительность, Торн взял его, поднес к губам и, не чувствуя вкуса, начал вливать в глотку живительную влагу. От головной боли, естественно, не помогло, но хотя бы стало не так мерзко, и язык перестал напоминать разбухшую до безобразия кедровую шишку. Это действие немного отвлекло Торна от окружающей действительности, и, когда спасительный кувшин показал дно и был со вздохом возвращен на прежнее место, отшельник с надеждой прислушался. Может, незванный визитер ему приснился?

Стук в дверь повторился. Кто бы ни пришел, он был настойчив и упорно желал встретиться с хозяином единственного на двадцать миль вокруг человеческого жилья. Лучше бы к медведю по ошибке завернул, с тоской подумал Торн и встал. В голове снова перекатился отвратительно холодный шар, но равновесие держать получалось без усилий. Это радовало — теперь незванный гость встретится не просто со злым колдуном, а со злым колдуном, крепко стоящим на ногах, а значит, готовым к бою.

Как ни странно, эта мысль, несмотря на категорически не подходящее самочувствие, немного развеселила его, и вниз Торн спускался уже в относительно приличном настроении. Даже в полах длинного халата ухитрился не запутаться, что в его состоянии выглядело целым достижением. Единственно, пожалел,

что с вечера не поставил здесь полог тишины. Конечно, заклинание сложное и в плане энергии затратное, весь дом закрывать — недопустимая расточительность, но уж о спальне-то можно было позаботиться.

Холодильный ящик в углу привлек взгляд Торна, словно магнит железную пудру. Там, как он точно знал, стоит жбанчик с пивом. С восхитительно холодным пивом... Нет. Отшельник с трудом сдержался от того, чтобы мотнуть головой. Просто хорошо представил, какие ощущения ему при этом жесте грозят. Конечно, пиво есть — ума не надо, однако похмеляться он не собирался. «Неправильный опохмел ведет к длительному запою», — эти слова отца Торн запомнил с детства и не видел причин им не доверять. Папаша, что ни говори, был мудрым человеком. Хотя почему был? Он-то есть и от людей не прячется, наоборот, когда отец в гневе, люди прячутся от него, а вот будешь ли ты — вопрос открытый.

Проходя мимо зеркала в углу, Торн механическим, ставшим привычным с детства движением пригладил волосы. Ну, не лежат они у него, как надо, приглаживай, не приглаживай, им без разницы. Зато женщинам нравятся — длинные, почти до плеч, темные, слегка вьющиеся... Смешно, родители светло-волосые, а он — совсем наоборот. В деда, наверное, тот тоже был чернявый и ходок тот еще. Хотя, кроме волос, роста и могучего сложения, другими серьезными достоинствами Торн не обладал. Лицо словно топором вырубленное, а после двух — оставленных рапирой одного не в меру заносчивого эльфа — шрамов, хоть и сведенных целителем, еще и малоподвижное. Глаза цвета льда. Что еще? Ах да, паршивый характер, средненький магический дар, ну и кое-какие мелочи — все это, по мнению самого Торна, не-

достатки. А еще полное отсутствие мозгов в голове, иначе не сидел бы в этой глуши, а давно возглавлял, к примеру, кафедру прикладной магии в Академии. Не в столице, разумеется, там и своих умников хватает, а где-нибудь в провинции, в филиале, что хоть и менее почетно, но тоже неплохо. Отец бы помог непутевому чаду... скорее всего. Да и мать подключила бы свои старые знакомства. Глубину связей предков Торна не знал никто, даже он сам, но то, что тянутся они на самый верх, в королевский дворец, секретом не являлось.

Стук в дверь оторвал Торна от привычных и успешших набить изрядную оскомину рассуждений. На сей раз он звучал как-то полузадушенно — сколь бы ни был упорен незванный гость, он явно устал бесплодно молотить кулаками по толстым доскам из потемневшей от времени лиственницы. У отшельника даже появился соблазн повернуться и уйти, но он все же пересилил себя. Нет уж, раз пришлось встать, пускай тот, кто посмел нарушить покой мирно спящего человека, почувствует, что такое его гнев. Несмотря на похмелье, на пару очень неприятных проклятий Торн был еще вполне способен.

Закрывалась дверь на хитрую систему засовов, которые пришлось бы отодвигать, наверное, пару минут. Или пять секунд, если знать, как это правильно делается. Один поворот рычага — и все остальное хитрая система противовесов сделает за тебя. Правда, чтобы эта хитрая, гномьей работы машинерия работала, надо, чтобы все пазы подходили друг к другу идеально, но мастер, делавший эту дверь, не зря выбрал в качестве материала лиственницу. Если знать, как с ней работать, можно добиться практически каменной твердости и полного отсутствия гни-

ения, причем безо всякой магии. Дуб, разумеется, немного прочнее, но в этих местах его сложно найти, да и весить дверь будет столько, что рано или поздно металлические петли банально перекосят. Эта же дверь служила когда-то еще деду Торна и, если боги окажутся благосклонны, послужит и его внукам. Если они, конечно, когда-нибудь появятся, эти внуки, что в свете последних лет его жизни выглядит сомнительно.

Легкий шелест. Засовы выходят из пазов именно так, практически бесшумно, человеческому мастеру подобного не добиться, но для гнома такое качество работы норма. Дверь открывается без скрипа, и яркий свет сейчас бьет в глаза тому, кто стоит перед ней. А вот сам Торн расположился чуть сбоку, здесь очень удобная, специально для этой цели сделанная в незапамятные времена ниша. Из нее видно все, что происходит снаружи, а вот тем, кто перед дверью, требуется определенное время, чтобы обнаружить хозяина дома. Не такое уж и большое время, но, порой, вполне достаточное, чтобы захлопнуть дверь... или угостить незваного гостя промеж глаз чем-нибудь несочетаемым с долгой и счастливой жизнью. В отношении людей, равно как и прочих живых существ, отшельник иллюзий не питал, а немалый опыт тесного общения практически со всеми расами континента приучил его к осторожности. Лучше почувствовать приступ стыда на могиле невинно убиенного прохожего, чем увидеть, как плачут над твоей могилой. Знаем, проходили, и хвала богам, что не на собственном опыте.

Однако, как ни удивительно, в этот раз Торн и посетитель увидели друг друга одновременно. Незваный гость из-за того, что хозяин стоял в стратеги-

чески выигрышной позиции, плюс того, чьи глаза привыкли к темноте, ослепил свет, а сам Торн... Ну, честно говоря, лишь потому, что ориентировался на рост обычного человека, а притупленная алкоголем реакция не дала сразу отреагировать и посмотреть вниз.

Закутанная в темный плащ фигура могла быть с успехом описана двумя словами — «мелковата» и «сыровата». Пожалуй, она могла бы дышать Торну под мышку... Хорошо хоть, не в пупок. К тому же она оказалась весьма субтильной, даже набухшая от воды ткань плаща не могла этого скрыть. Ну и, вдобавок, когда начала открываться дверь, гость сделал шаг назад, что, в свою очередь, заставило его спуститься на одну ступеньку ниже. В результате всех этих манипуляций он и выпал на пару секунд из поля зрения отшельника. Впрочем, ничего страшного при этом не произошло — кем бы ни оказался пришелец из ночи, буйным он явно не был.

— И кого это демоны принесли?

Это было вежливо. Для колдуна, которого если и не смертельно боялась, то уж точно опасалась вся округа, послать незваного гостя куда подальше обычное дело. Тем более, когда его разбудили. Самое смешное, никакого удовольствия самому отшельнику такое поведение не доставляло, однако так было правильно. Крестьяне — народ простой. Даже слишком. Или они боятся колдуна и обращаются к нему только в крайнем случае, неся в клювике соответствующую проблеме денежку, или же будут прибегать из-за каждого пустяка, вроде чирея на пятке. И, что характерно, без кошелька, свято уверенные, что волшебник добрый, он поможет страждущему. Обязательно поможет. За так. Или, в крайнем случае,

в долг. Ага, поможет. Он, Торн, доверчивый. Был. Когда-то.

— Меня зовут... — Тут ей на лицо упала скатившаяся с крыши струйка воды, и она закашлялась. — Войти... можно?

Ну вот, еще и баба. Причем, судя по голосу, молодая. Больше всего Торну хотелось захлопнуть дверь и отправиться досыпать. Он гостей не приглашал!

— Заходи...те.

Ну вот, так он и знал. За то время, пока вставляли на свое место засовы, с плаща на пол натекла вода. Целая лужа. Хорошо еще, полы он сам обрабатывал, тщательно, даже, можно сказать, с любовью вплетая в доски несколько слоев заклинаний. Гниль не будут, высохнут сразу же. К тому же они теплые, хотя в том заслуга не столько магии, сколько тщательно продуманной системы отопительных трубок, идущих под полом и равномерно отдающих ему жар от хорошо протопленной печи.

Судя по тому, в какой позе стояла гостья, в мокрой одежде ей было весьма неудобно. Мешковатый плащ скрывал это, но не до конца. А вот не надо было под дождем ночами бегать, с внезапно пронувшимся цинизмом подумал Торн, а вслух сказал:

— Я думаю, вам будет несколько комфортнее, если вы снимете эту тряпку.

Обиделась, вон, как головой дернула, но смолчала. Только решительно взялась за завязки. Угу, угу, давай, развязывай намокший шнурок, интересно, как у тебя это получится...

Как ни странно, получилось. Не с первой попытки, разумеется, но все же раньше, чем отшельник предложил ей нож, дабы разрезать неподатливый узел. Рывок! Плащ мешком свалился к ногам гостьи,

открыв бледное, довольно симпатичное лицо и отличную фигуру, запакованную в дорожное платье из дорогой, это можно было определить даже сейчас, темно-синей ткани. Тоже мокрое насквозь. И колотило ее хозяйку в ознобе нещадно, хотя в доме было тепло, а на втором этаже даже, можно сказать, жарко. Вот только снаружи уже осень, и лужи к утру иной раз оказываются подернутыми тонким ледком.

— Нет, девушка, так не пойдет. Заработаете воспаление легких, а мне с вами потом возиться, — Торн повернулся, не выпуская, впрочем, на всякий случай девушку из поля зрения. Видел он уже как-то раз стилет, птичкой вылетающий из такого же рукава, ага. — Вот, переоденьтесь, а потом проходите в комнату. Прошу извинить, платьев дома не держу...

Когда девушка, кутаясь в его халат, вошла в комнату, Торн как раз заканчивал разжигать камин. Можно было бы, конечно, прогреть комнату и магией, но живое тепло горящего очага куда лучше воспринимается человеческим телом. На столе мерцал рубиновым блеском бокал с подогретым вином, там же стояла кое-какая еда, извлеченная из холодильного шкафа, все же законов гостеприимства еще никто не отменял, и ни раздражение, ни плохое самочувствие не были оправданием, чтобы пренебречь ими. Впрочем, настроение малость улучшилось, когда Торн увидел, как гостя старается не запутаться в его халате, для нее определенно слишком длинном. Выходило это у нее настолько комично, что он с трудом удержался от смешка. От девушки, тем не менее, его настроение не укрылось, она зыркнула возмущенно, но смолчала, что разом подняло мнение Торна об ее умственных способностях на пару делений. Правда, всего на пару, не более — уже тот факт,

что она сейчас находится здесь, заставлял лишней раз задаться вопросом о существовании интеллекта вообще и женского в частности.

Пока гостья ела, кстати, не чинясь и не пытаясь жеманничать, что говорило или об отсутствии манер, или об изрядном голоде, Торн внимательно, ничуть этого не скрывая, рассматривал ее. Откровенно говоря, ничего особенного. Лет восемнадцать, может, чуть больше или чуть меньше. Невысокая, худощавая... Честно говоря, такие были не во вкусе отшельника, во всяком случае, в те времена, когда он еще не был отшельником. Волосы прямые, темные, даже темнее, чем у Торна. Лицо симпатичное, но не более того, красавицей девушку не назовешь. Черты тонкие, аристократические, но это ни о чем не говорит, подобные экземпляры встречаются порой и в глухих деревнях, где селяне в жизни не видели картины интереснее огромной кучи любимого навоза. Словом, ничего из ряда вон выходящего, такие типажи увидеть можно часто. И бледная, что, в общем-то, легко объяснимо — снаружи, чай, не лето. Плюс наверняка устала — во дворе не было и намека на лошадь, а сапожки гости, которые Торн успел разглядеть еще в дверях, могли похвастаться толстым слоем налипшей грязи и отсутствием подметок. Стало быть, шла по лесной дороге пешком — там сплошная глина, и если в ней остались только подметки, то путешественница, в принципе, легко отделалась. Сам Торн, как-то решивший прогуляться по этому недоумению, которое местные крестьяне с гордостью называют трактом, один сапог и вовсе утопил. Право же, в сырую погоду по лесу идти значительно легче.

Наконец девушка закончила трапезу. Ее уши, чуть более заостренные, чем у большинства людей, что

наводило на мысль о толике эльфийской крови, при этом забавно шевелились, однако, когда она подняла голову, у Торна почему-то не возникло и тени желаниа рассмеяться. Взгляд был прямым и острым, как клинок эльфийской рапиры, и в то же время каким-то устало-беспомощным. Таким бывает взгляд очень сильных людей, не привыкших отступать, но оказавшихся вдруг перед непрошибаемой стеной... и бившихся о нее головой до потери сознания. Не тот взгляд, который ждешь от совсем молодой девушки.

— Итак, кто вы и что привело вас в мое скромное жилище? — Торн, подумав, решил взять нить разговора в свои руки. А то гостя мнется, явно не зная, с чего начать.

Девушка подняла глаза — огромные, черные — и с усилием, будто выталкивая застрявшие в горле слова, выдохнула:

— Я прошу у вас помощи. И защиты.

— Гм... Это интересно, — Торн механическим жестом почесал щеку, с неудовольствием отметил, что уже дня три не брился, и вздохнул. — Даже если не учитывать тот факт, что вы начисто проигнорировали мой первый вопрос, возникают еще как минимум два. Почему я должен вам помогать и чем вообще может кому-то помочь старый отшельник?

— Насчет старого я бы не сказала, — девушка вдруг улыбнулась. — Вам не дашь больше тридцати.

Лесть, наглая и беспардонная. Торну недавно исполнилось тридцать пять, и на них он, как сам был уверен, и выглядел. Но все равно приятно...

— Я просто неплохо сохранился. И все же прошу ответить на мои вопросы.

В его голосе явственно звякнул металл — такую интонацию он в свое время отработывал часами,

в ущерб многому другому, и учитель риторики был вне себя от непослушного ученика. Торн по опыту знал, что, услышав его голос, многие предпочли бы испугаться, но девушка оказалась из другого теста.

— Разве помощь ближнему не является благословенной богами добродетелью?

— Во-первых, не всеми богами, а лишь некоторыми. Меньшинством, кстати, и не самым популярным. А во-вторых, ближних, — тут Торн оглянулся и в недоумении пожал плечами, — я здесь почему-то в упор не наблюдаю.

Разговор начал его забавлять. Пожалуй, слишком долгое сидение в одиночестве противопоказано для человеческой психики, и он соскучился по общению. Что же, будем считать, свое вино гостя уже отработала. К тому же голова уже практически перестала болеть, и это настраивало Торна на благодушный лад.

— Понятие «ближний» — иносказательно.

— Я предпочитаю не понимать намеков. Так почему я должен кому-то помогать? И как вообще может помочь кому-то безобидный отшельник?

— А я думала, что прозвище Эль Барро кому попало не дадут.

Очень интересно. Эль Барро. Снежный барс на староэльфийском диалекте. А еще — несущий смерть зверь, приходящий из тумана. Это если вдаваться глубоко в тонкости перевода. Так его звали... когда-то. Не здесь, далеко, на побережье... Интересно только, откуда эта девушка знает такие малоаппетитные подробности его биографии?

— Неисповедимы причудливые изгибы человеческой мысли. Но словесное фехтование мне презрительно надоело еще в те времена, когда я был... тем,